

Лит. газ. - 1989. - 3 март (118). - с. 11

Читатель и общество

ПОСЛЕ статей «Притерпелость», «Невоспитанность воспитания» где-то на выступлении я неразумно брякнул, что хвастать больше писать публицистику не буду, перейду на лирику. Ан нет, давно уже во мне торкалась тема этой статьи, подсказанная одной моей старой полузабытой строкой: «С женщин начинается народ». И родилась эта статья незапланированно, вовсе не в традиционном для общественного женоловлия марте, а перед маем, полным запахов клейких только высунувшихся листочков и первых фиалок, проклюнувшихся сквозь слежавшиеся преле листья.

Первый образ народа, человечества — это еще расплывающееся материнское лицо, склонившееся над младенческим телцем. Ребенок вытолкнут в мир из женского тела, и причина его первого плача в том, что ему хочется обратно — в маму. Мать — это первая родина ребенка. Поэтому так естественно слияние двух понятий в одно — Родина-мать. Знаменитый плакат «Родина-мать зовёт!» действовал во время Великой Отечественной не только политически, но и эмоционально, ибо задевал самые потаенные струны души. С женщин начинается народ.

Пастернак сказал о женщинах: «...Перед ними я всеми в долгу». Этот неоплаченный долг каждого из нас начинается с первой капли материнского молока, с первых слез, причиненных нами первой обиженной нами женщине — матери, с первого поцелуя, с молитвенного прикосновения ладони жены к твоему лбу, когда она пробует во время болезни, есть ли у тебя жар. В момент опасности для мужчины его любимая становится его матерью. В женщине вообще настолько сильно чувство защиты мужчин, что они гораздо смелее, чем мужчины.

Одно из моих первых воспоминаний: 37-й год. Мне четыре года. Обоих дедушек забрали. Я и мама с узелком в руках — передачей — стоим в длинной-длинной очереди на улице с красивым названием Матросская Тишина. Полуснег, полуморось. Сильный туман, а в нем — затылок в затылок — женщины, женщины, женщины. Все с узелками. Только женщины. Ни одного мужчины. Мужчины боялись. Женщины не боялись узнавать, отнести передачи. Все они — даже жены, и невесты, и дочери — стали матерями для арестованных...

РЕВОЛЮЦИЯ объявила раскрепощение женщин. Но разве, когда отобрали паспорта у колхозников, эти паспорта оставили колхозницам? Мухина была замечательно талантливым скульптором, но я смотрю на металлическую гигантскую пару — рабочий и колхозница, — и меня гнетет мысль о том, что у этой монументальной великаны не было и крохотного паспортчика. В деревне произошло закрепощение женщин новым помещиком — государством, на заводах — новым фабрикантом — государством. Закон «кто не работает, тот не ест» как бы подразумевал, что и женщина обязательно должна работать. А ведь материнство — это тоже работа. Женщины-домохозяйки, матери семейств почти исчезли, выглядели белыми воронами, чуждым классовым элементом. Даже поэты уже воспевали не хрупкость, не беззащитность, не любовную страсть, не влюбленную нежность женщин, а женскую физическую силу, политическую зрелость, трудовые показатели, героизм в преодолении трудностей.

Женщину не возвысили, а унизили до равенства с мужчиной.

Во время варфоломеевских ночей сталинизма сколько муки и унижения перенесли жены и дочери так называемых «врагов народа»! Е. Гинзбург в своей потрясающей книге «Крутой маршрут» пишет о седьмом вагоне, набитом женщинами — «врагами народа», который двинулся в гущу покрытой лагерями Сибири: «Белье будет меняться только сильно ментруальное, — торжественным голосом объявил начальник конвоя, — остальное — только на выжарку. Выжарят, стало быть, в дезокамере покуда моетесь, и надевайте обратно. Хоть не шибко красиво, зато уж и заразы никакой не будет...» Какие сотни тысяч лет цивилизации отделяют этот совсем не злобный, а даже доброжелательно соболезнующий монолог начальника конвоя от «Я вас любил: любовь еще, быть может...» Пушкина?!

В то время, когда на экранах страны Валентина Серова и Марина Ладынина талантливо изображали жизнерадостных, исполненных счастья труда советских женщин, миллионы реальных женщин вкалывали в нищенствующих колхозах, месили ногами бетон, рожали детшек в бараках, не многим лучше лагерных. Были женщины с плакатов-летучца Валентина Гризодубова, сборщица хлопка Мамлакат Нахангова, свекловод Мария Демченко, но правдивый портрет рядовой советской женщины был написан лишь в душераздирающей частушке:

Я и лошадь, я и бык,
я и баба, и мужик.

Привилегированность дам так называемого «высшего советского общества» была особой — крепостной привилегированностью. Певичка В. А. Давыдова-Мчедлидзе, близкая к Сталину, рассказывала, как шофер машины, прикрепленной к ней, попросил ее застопориться перед хозяином за его расклевывающего

Женщины-летчицы, женщины-партизанки, женщины-военврачи и санитарки и, наконец, женщины тыла были великой женской армией, наравне с мужчинами разгромившей фашизм. Но даже подвиг Зои Космодемьянской, выкрикнувшей с петлей на шее «Сталин придет!» — не смягчил сердце тирана по отношению к нашим многострадальным женщинам: для него они были лишь винтиками женского пола. В стране, где награждали женщин орденом «Матери-героиня», никому не приходило в голову, что можно было бы награждать правом не работать, а только воспитывать детей.

БЫЛ ФИЛЬМ «Член правительства», но на самом деле женщин в правительстве не было. Е. Фурцева осталась в памяти редким исключением. Она довольно находчиво

Фото А. КАРЗАНОВА

Хватит взятки мимозами к 8 Марта и подачек тортами к дням рождений. Нужна перестройка в отношении к женщинам.

помогла Н. Хрущеву провести Пленум ЦК, где он победил группу Молотова, Кагановича и др. Однако Хрущев по исторической традиции властелин убирал тех, кто помог, вывел Фурцеву из Президиума ЦК, оставив ее только министром культуры. Калатазов и я, бывшие однажды на приеме у Фурцевой, были потрясены тем, как без всякого спроса в ее кабинет вошел какой-то военный связист, отрезал кусачками особую «сверхвертушку» и унес под мышкой. Фурцева чуть не до крови закусила губы от такого грубого оскорбления. Эти люди даже не подумали, что она не только бывший член Президиума, но и прежде всего — женщина.

Царивший столько лет закон, запрещавший аборт, был не только надругательством, но и практическим убийством множества женщин, вынужденных делать аборт тайком у сомнительных повивальных бабок, у всякого рода шарлатанов. Несколько поколений в стране воспитывались аномальным методом раздельного обучения, и отуждение мужчин и женщин усугубилось.

Спрашивается: а почему же за совершенно одинаковую работу женщинам столько лет платили меньше? Женская зарплата по стране и сейчас составляет 60 процентов от мужской. Потому ли, что мужской труд тяжелее? Или высокооплачиваемые должности занимают в основном мужчины? Думаю, что более всего в низкой заработной плате для женщин повинны не на чем не основанное чувство превосходства своего пола — своего рода мужской шовинизм.

В моей первоначальной предвыборной программе, напечатанной в «Огоньке», был пункт о запрещении использовать женщин на тяжелых работах. Однако я получил ряд писем, прозвизвших меня своей трагической безысходностью: женщины пишут, что только на тяжелых работах они могут заработать хоро-

шие деньги, и такой запрет был бы для них катастрофичен.

А ведь у советской работающей женщины не одна, а три работы. Первая работа — работа. Вторая работа — очереди. Третья работа — дети, дом, кухня.

В «Советской России» от 23 апреля напечатана любопытная информация о том, что австрийские женщины ежегодно продельвают домашнюю работу, стоимостью которой составляет около 350 миллиардов шиллингов. Уборка, стирка, глажение белья оцениваются в 130 миллиардов. Кухонная работа — в 60 миллиардов.

Кто и когда возьмется подсчитать, сколько стоит домашняя работа советских женщин? А сколько стоит та страшная, изнурительная работа, на которую уходит столько нервов, — очереди?

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ назад я был в столице ГАР. Зашел в небольшой магазин неподалеку от гостиницы. Мне ничего не надо было там покупать, но меня вело чисто советское продовольственное любопытство. Магазин был не фирменный, не валютный, однако в нем было видов двадцать колбас — и твердокопченая, и полукопченая, и глазированная, и ливерная, и телячья, и охотничья, и... И вдруг рядом я услышал стук чего-то упавшего на пол. На полу без чувств лежала молодая девушка. По причине, по рисунку крепдешинового платья, по бежевым босоножкам и по многим другим не поддающимся определению приметам я узнал свою соотечественницу. До этого я только читал об оборотках в романах девятнадцатого века, но обороток как таковой увидел в первый раз. Девушка, приходя в сознание, шептала: «За что? За что?» — пока я старался привести ее в чувство. Наконец мне это удалось, и я повел ее в ближайше кафе. Что же с ней произошло? Что было закодировано под этим вопросом «За что? За что?». Девушка была из алтайского колхоза, работала на комбайне, на тракторе, на зарплате не жаловалась. Девушка премировали за трудовые успехи поездкой в ГАР. Увидев обилие в магазине колбас, сыров, всего-всего, свободно, без очереди, она была потрясена. «Как же это понять? — говорила девушка. — Мы ведь выиграли войну, а они пригнали. Я не потому, что они живут хорошо... Но почему мы живем так плохо? За что?» Со вздохом я подумал, что, слава богу, она попала не в Западный Берлин, где есть фирменный магазин с выбором не меньше, чем пятьсот сортов разных колбас.

Конечно, от неудовлетворенного спроса в торговле страдают и мужчины. Но прежде всего — опять-таки женщины. Ведь это именно им приходится беспрепятственно «выкручиваться». Многие иностранцы восхищаются, как хорошо теперь одеваются советские женщины. Знали бы они, сколько ухищрений, сколько правд и неправд стоит за каждой деталью одежды советской женщины. Восхищаются гостеприимством наших женщин, их кулинарным талантом. А сколько нашим удивительным русским хозяйкам приходится покумекать, поизощряться в добывании всего того, что так красиво и щедро стоит на столе! Женщина покупает и для хозяйства, и для детей, и для мужа, и только уж потом — для себя. А попробуй-ка одновременно достать и сосиски, и стиральный порошок, и бумажные пеленки, и бритвен-

Евг. ЕВТУШЕНКО

С ЖЕНЩИН НАЧИНАЕТСЯ НАРОД

ные лезвия, и какие-нибудь нестыдные и в то же время не очень дорогие туфли. Каждая советская женщина уже хотя бы за эту постоянную работу снабженца должна получать полную пенсию! А почему до сих пор воспитание хотя бы до одного года ребенка не приравнено к государственной работе?

Трагически отставая в экономике от ведущих стран, мы тем не менее триумфально вырвались в мировые лидеры по числу разводов. Почему? Катастрофическая бытовая взаимораздраженность, приводящая к взаимобийству любви. Когда у каждого — своя отдельная комната, то хотя бы есть куда убежать во время ссоры, чтобы не дать выплеснуться раздражению. А если некуда убежать — потому что комната только одна? А если в этой же самой комнате ютятся и родители? По итогам недавнего социологического опроса, многие советские женщины причиной развода называют свои несложившиеся отношения с родителями мужа или мужа — с ее родителями.

Американские женщины почти не упоминают как причину развода эту проблему. Почему? Да потому, что наши молодые часто вынуждены жить вместе с родителями, порой в крохотном закутке, а американцы немедленно отделяются, и отношения с родителями у них остаются прекрасными. Наши женщины настолько устают от работы, быта, от метражной зажатости, от затравленности родственниками, от неумеренности мужей, что порой физически преждевременно перестают быть женщинами. Для того чтобы достать хорошие кремы, предохраняющие от старения, им приходится тратит столько сил, что от этого они еще быстрее стареют. Покупать французские духи на талоны о сдаче макулатуры и металлолома — это, что ли, уважение к женщине? Этого даже Кафка и Оруэлл в самых страшных кошмарах не представляли.

Одна из наших общественных женщин заявила, что не надо нам никаких платьев из-за границы — иначе свои никогда не научимся шить. Может быть, в момент этой телевизионной передачи она и была в советском платье, но, видимо, в каком-нибудь уникальном образце. Женщине неважно, каким молоком она поит ребенка — государственным или частным. Ей важно, чтобы молоко было хорошее, чтобы оно было всегда и чтобы не очень дорогое. Женщине неважно, какое это платье — советское или иностранное, лишь бы оно не попадалось на каждой трагедийной линии бытия. Была бы хорошая стирка, чтобы красиво одеваться? Чтобы красиво одевать своих детей? А мы, мужчины, еще осмеливаемся их поучать — какими они должны быть, наши многострадальные женщины.

НЕСКОЛЬКО наших общественных женщин, при всем моем уважении к ним, аряд ли могут выразить все набравшие проблемы женщин СССР. Нам нужна ассоциация «Женщины за права женщин». Нам нужны женщины во всех эшелонах Советской власти и государства. Если проворовалась Насридина, то при чем тут остальные женщины! У нас нет ни одной женщины — министра СССР, ни одной женщины — главного редактора всесоюзной газеты. Как будто в укор нам в «Правде» 8 марта были опубликованы фотографии пяти женщин — руководителей ряда государств мира.

Дело, конечно, не просто в бессловесных представителях от женщин — для галочки. К сожалению, кое-кто из них, видно, попал и на XIX всесоюзную конференцию, ибо с ее трибуны из уст женщин не прозвучало ни одного смелого, государственного слова.

Разговоры между собой некоторых женщин-делегатов в фойе сводились к сетованию на то, что на этой конференции нет спецмагазина. Я не обвиняю этих честных тружениц — доярок, крановщиц, сборщиц хлопка, приехавших из тех мест, где днем с огнем не найдешь ползунков для детей, детского мыла или хороших сапог для себя. Но зачем было делегировать их, весьма смутно понимавших, что на их глазах в Кремле шла серьезная политическая борьба за их собственное будущее, за будущее их детей?

Уже сейчас по списку народных депутатов СССР видно, что вместе с некоторыми мужчинами там будут и кое-какие женщины-депутаты, может быть, хорошие производственницы, но все ли они подготовлены к такой исторически ответственной, законодательной роли? Многие прекрасные женщины-кандидаты не прошли сквозь «драконовы зубы» окружных комиссий. Меня, например, ошеломили замечательные экологические и нравственные программы Черкасовой — в Люблинском районе, Усовой — в Мытищинском. А вот Ярославскую, ласково прозванную на Житомирщине «наша Алла», местная бюрократия не смогла остановить.

Но я надеюсь, что женщины-депутаты все-таки сплотятся и выдвинут в лидеры лучших. Такими лидерами могут неожиданно стать и кто-то из женщин-крестьянок, и из женщин-рабочих. Но не надо замыкаться в классовой узости, которая столько нам навредила. Женщины — представительницы интеллигенции могут порой защищать интересы и доярок, и крановщиц, и сборщиц хлопка не хуже, а порой и лучше, чем те сделали бы это сами.

МЫ, МУЖЧИНЫ, должны поубавить свою необоснованную спесь или свое благожелательное опекуновское превосходство при разговоре о месте женщины в обществе. Хватит взгорт мимозами к 8 Марта и подачек тортами к дням рождений. Я сознательно предлагаю эту статью не в мартовский номер, а в майский, революционный, полный ожидания предстоящего съезда. Нам нужна перестройка в отношении к женщинам. С женщин начинается народ. Можно ли уважать народ, если мы не уважаем женщин?

Лит. газ. - 1989. - 3 март
(118). - с. 11

Списатель и общество

ПОСЛЕ статей «Притерпелость», «Невоспитанность воспитания» где-то на выступлении я нечаянно брякнул, что хва-тит, больше писать публицистику не буду, перейду на лирику. Ан нет, давно уже во мне торкалась тема этой статьи, подсказанная одной моей старой полузабытой строкой: «С женщин начинается народ». И родилась эта статья незапланированно, вовсе не в традиционном для общественного женолюбия марте, а перед маем, полным запахов клейких только высунувшихся листочков и первых фиалок, проклюнувшихся сквозь слежавшиеся преле листья.

Первый образ народа, человечества — это еще расплывающееся материнское лицо, склонившееся над младенческим тельцем. Ребенок вытолкнут в мир из женского тела, и причина его первого плача в том, что ему хочется обратно — в маму. Мать — это первая родина ребенка. Поэтому так естественно слияние двух понятий в одно — Родина-мать. Знаменитый плакат «Родина-мать зовет!» действовал во время Великой Отечественной не только политически, но и эмоционально, ибо задевал самые потаенные струны души. С женщин начинается народ.

Пастернак сказал о женщинах: «...Перед ними я всеми в долгу». Этот неоплатный долг каждого из нас начинается с первой капли материнского молока, с первых слез, причиненных нами первой обиженной нами женщине — матери, с первого поцелуя, с молитвенного прикосновения ладони жены к твоему лбу, когда она пробует во время болезни, есть ли у тебя жар. В момент опасности для мужчины его любимая становится его матерью. В женщине вообще настолько сильно чувство защиты мужчин, что они гораздо смелее, чем мужчины.

Одно из моих первых воспоминаний: 37-й год. Мне четыре года. Обоих дедушек забрали. Я и мама с узелком в руках — передачей — стоим в длинной очереди на улице с красивым названием Матросская Тишина, Полуснег, полуморось. Сизый туман, а в нем — затылок в затылок — женщины, женщины, женщины. Все с узелками. Только женщины. Ни одного мужчины. Мужчины боялись. Женщины не боялись узнавать, отнести передачи. Все они — даже жены, и невесты, и дочери — стали матерями для арестованных...

РЕВОЛЮЦИЯ объявила раскрепощение женщин. Но разве, когда отобрали паспорта у колхозников, эти паспорта оставили колхозницам? Мухина была замечательно талантливым скульптором, но я смотрю на металлическую гигантскую пару — рабочий и колхозница, — и меня гнетет мысль о том, что у этой монументальной великанши не было и крохотного паспортчика. В деревне произошло закрепощение женщин новым помещиком — государством, на заводах — новым фабрикантом — государством. Закон «кто не работает, тот не ест» как бы подразумевал, что и женщина обязательно должна работать. А ведь материнство — это тоже работа. Женщины-домохозяйки, матери семейства почти исчезли, выглядели белыми воронами, чуждым классовым элементом. Даже поэты уже воспевали не хрупкость, не беззащитность, не любовную страсть, не влюбленную нежность женщины, а женскую физическую силу, политическую зрелость, трудовые показатели, героизм в преодолении трудностей.

Женщину не возвысили, а унизили до равенства с мужчиной.

Во время варфоломеевских ночей сталинизма сколько муки и унижения перенесли жены и дочери так называемых «врагов народа»! Е. Гинзбург в своей потрясающей книге «Крутой маршрут» пишет о седьмом вагоне, набитом женщинами — «врагами народа», который двигался в глубь покрытой лагерьями Сибири: «Белье будет меняться только сильно ментруальное, — торжественным голосом объявил начальник конвоя, — остальное — только на выжарку. Выжарят, стало быть, в дезокамере покуда моетесь, и надевайте обратно. Хотя не шибко красиво, зато уж и заразы никакой не будет...» Какие сотни тысяч лет цивилизации отделяют этот совсем не злобный, а даже доброжелательно соболезнующий мнолог начальника конвоя от «Я вас любил: любовь еще, быть может...» Пушкина?!

В то время, когда на экранах страны Валентина Серова и Марина Ладынина талантливо изображали жизнерадостных, исполненных счастья труда советских женщин, миллионы реальных женщин вкалывали в нищенствующих колхозах, месили ногами бетон, рожали детишек в бараках, не многим лучше лагерных. Были женщины с плакатов — летчица Валентина Гризодубова, сборщица хлопка Мамлакат Нахангова, свекловод Мария Демченко, но правдивый портрет рядовой советской женщины был написан лишь в душераздирающей частушке:

Я и лошадь, я и бык,
я и баба, и мужик.

Привилегированность дам так называемого «высшего советского общества» была особой — крепостной привилегированностью. Певица В. А. Давыдова-Медведице, близкая к Сталину, рассказывала, как шофер машины, прикреплённой к ней, попросил ее заступиться перед хозяином за его раскулаченного отца. После того как певица попробовала заступиться, она уже никогда больше не видела этого шофера. Сталин садистически издевался над своими соратниками, объявляя шпионками жен Молотова, Калинина, и арестовывал на всякий случай даже жену своего верного «лихача» — Поскребышева.

Женщины-летчицы, женщины-партизанки, женщины — военврачи и санитарки и, наконец, женщины тыла были великой женской армией, наравне с мужчинами разгромившей фашизм. Но даже подвиг Зои Космодемьянской, выкрикнувшей с петлей на шее «Сталин придет!» — не смягчил сердце тирана по отношению к нашим многострадавшим женщинам: для него они были лишь винтиками женского пола. В стране, где награждали женщин орденом «Матери-героиня», никому не приходило в голову, что можно было бы награждать правом не работать, а только воспитывать детей.

БЫЛ ФИЛЬМ «Член правительства», но на самом деле женщин в правительстве не было. Е. Фурцева осталась в памяти редким исключением. Она довольно находчиво

Спрашивается: а почему же за совершенно одинаковую работу женщинам столько лет платили меньше? Женская зарплата по стране и сейчас составляет 60 процентов от мужской. Потому ли, что мужской труд тяжелее? Или высокооплачиваемые должности занимают в основном мужчины? Думаю, что более всего в низкой заработной плате для женщин повинно ни на чем не основанное чувство превосходства своего пола — своего рода мужской шовинизм.

В моей первоначальной предвыборной программе, напечатанной в «Огоньке», был пункт о запрещении использовать женщин на тяжелых работах. Однако я получил ряд писем, пронзивших меня своей трагической безысходностью: женщины пишут, что только на тяжелых работах они могут заработать хоро-

Конечно, от неудовлеворенного спроса в торговле страдают и мужчины. Но прежде всего — олять-таки женщины. Ведь это именно им приходится беспрестанно «выкручиваться». Многие иностранцы восхищаются, как хорошо теперь одеваются советские женщины. Знали бы они, сколько ухищрений, сколько правд и неправд стоит за каждой деталью одежды советской женщины. Восхищаются гостеприимством наших женщин, их кулинарным талантом. А сколько нашим удивительным русским хозяйкам приходится покумекать, позозряться в добыивании всего того, что так красиво и щедро стоит на столе! Женщина покупает и для хозяйства, и для детей, и для мужа, и только уж потом — для себя. А попробуй-ка одновременно достать и сосиски, и стиральный порошок, и бумажные пеленки, и бритвен-

того, чтобы красиво одеваться? Чтобы красиво одевать своих детей? А мы, мужчины, еще осмеливаемся их поучать — какими они должны быть, наши многострадавшие женщины.

НЕСКОЛЬКО наших общественных женщин, при всем моем уважении к ним, вряд ли могут выразить все наболевшие проблемы женщин СССР. Нам нужна ассоциация «Женщины за права женщин». Нам нужны женщины во всех эшелонах Советской власти и государства. Если провозгласила Насридинова, то при чем тут остальные женщины! У нас нет ни одной женщины — министра СССР, ни одной женщины — главного редактора всесоюзной газеты. Как будто в укор нам в «Травде» 8 марта были опубликованы фотографии пяти женщин — руководителей ряда государств мира.

Дело, конечно, не просто в бессловесных представителях от женщин — для галочки. К сожалению, кое-кто из них, видно, попал и на XIX партконференцию, ибо с ее трибуны из уст женщин не прозвучало ни одного смелого, государственного слова.

Разговоры между собой некоторых женщин-делегатов в фойе сводились к сетованию на то, что на этой конференции нет спецмагазина. Я не обвиняю этих честных тружениц — доярок, крановщиц, сборщиц хлопка, приехавших из тех мест, где днем с огнем не найдешь ползунков для детей, детского мыла или хороших сапог для себя. Но зачем было делегировать их, весьма смутно понимавших, что на их глазах в Кремле шла серьезная политическая борьба за их собственное будущее, за будущее их детей?

Уже сейчас по списку народных депутатов СССР видно, что вместе с некоторыми мужчинами там будут и кое-какие женщины-депутаты, может быть, хорошие производственницы, но все ли они подготовлены к такой исторически ответственной, законодательной роли? Многие прекрасные женщины-кандидаты не прошли сквозь «драконовы зубы» окружных комиссий. Меня, например, ошеломили замечательные экологические и нравственные программы Черкасовой — в Люблинском районе. Усовой — в Мытищинском. А вот Ярошинскую, ласково прязянную на Житомирщине «наша Алла», местная бюрократия не смогла остановить.

Но я надеюсь, что женщины-депутаты все-таки сплотятся и выдвинут в лидеры лучших. Такими лидерами могут неожиданно стать и кто-то из женщин-крестьянок, и из женщин-рабочих. Но не надо замыкаться в классовой узости, которая столько нам навредила. Женщины — представительницы интеллигенции могут порой защищать интересы и доярок, и крановщиц, и сборщиц хлопка не хуже, а порой и лучше, чем те сделали бы это сами.

МЫ, МУЖЧИНЫ, должны поубавить свою необоснованную спесь или свое благожелательное опекуновское превосходство при разговоре о месте женщин в обществе. Хватит взятки мимозами к 8 Марта и подачек тортами к дням рождений. Я сознательно предлагаю эту статью не в мартовский номер, а в майский, революционный, полный ожидания предстоящего съезда. Нам нужна перестройка в отношении к женщинам. С женщин начинается народ. Можно ли уважать народ, если мы не уважаем женщин?

Фото А. КАРЗАНОВА

Хватит взятки мимозами к 8 Марта и подачек тортами к дням рождений. Нужна перестройка в отношении к женщинам.

помогла Н. Хрущеву провести Пленум ЦК, где он победил группу Молотова, Кагановича и др. Однако Хрущев по исторической традиции властелины убирать тех, кто помог, вывел Фурцеву из Президиума ЦК, оставив ее только министром культуры. Калатозов и я, бывшие однажды на приеме у Фурцевой, были потрясены тем, как без всякого спроса в ее кабинет вошел какой-то военный связист, отрезал кусочками особую «сверхвертушку» и унес под мышкой. Фурцева чуть не до крови закусила губы от такого грубого оскорбления. Эти люди даже не подумали, что она не только бывший член Президиума, но и прежде всего — женщина.

Царивший столько лет закон, запрещавший аборт, был не только надругательством, но и практически убийством множества женщин, вынужденных делать аборт тайком у сомнительных повивальных бабок, у всякого рода шарлатанов. Несколько поколений в стране воспитывались аномальным методом раздельного обучения, и отчуждение мужчин и женщин усугубилось.

Были попытки освободить женщин от тяжелого физического труда: так, например, запретили женщинам работать в шахтах, под землей. Знаменитые, воспетые шахтерским песенным фольклором откатчицы ушли в прошлое. Но мужчины не хотели работать на их нелегком месте за ту же самую низкую зарплату, и ее пришлось повысить.

шие деньги, и такой запрет был бы для них катастрофичен.

А ведь у советской работающей женщины не одна, а три работы. Первая работа — работа. Вторая работа — очереди. Третья работа — дети, дом, кухня.

В «Советской России» от 23 апреля напечатана любопытная информация о том, что австрийские женщины ежегодно проделывают домашнюю работу, стоимость которой составляет около 350 миллиардов шиллингов. Уборка, стирка, глажение белья оцениваются в 130 миллиардов. Кухонная работа — в 60 миллиардов.

Кто и когда возьмется подсчитать, сколько стоит домашняя работа советских женщин? А сколько стоит та страшная, изнурительная работа, на которую уходит столько нервов, — очереди?

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ назад я был в столице ГАР. Зашел в небольшой магазин неподалеку от гостиницы. Мне ничего не надо было там покупать, но меня вело чисто советское любопытство. Магазин был не фирменный, не валютный, однако в нем было видов двадцать колбас — и твердокоченная, и полукоченная, и глазированная, и ливерная, и телячья, и охотничья, и... И вдруг рядом я услышал стук чего-то упавшего на пол. На полу без чувств лежала молодая девушка. По прическе, по рисунку крепедешинового платья, по бежевым босоножкам и по многим другим не поддающимся определению приметам я узнал свою соотечественницу. До этого я только читал об обмороках в романах девятнадцатого века, но обморок как таковой увидел в первый раз. Девушка, приходя в сознание, шептала: «За что? За что?» — пока я старался привести ее в чувство. Наконец мне это удалось, и я повел ее в ближнее кафе. Что же с ней произошло? Что было закодировано под этим вопросом «За что? За что?». Девушка была из алтайского колхоза, работала на комбайне, на тракторе, на заработки не жаловалась. Девушку премировали за трудовые успехи повоздкой в ГАР. Увидев обилие в магазине колбас, сыров, всего-всего, свободно, без очереди, она была потрясена. «Как же это понять? — говорила девушка. — Мы ведь выиграли войну, а они проиграли. Я не потому, что они живут хорошо... Но почему мы живем так плохо? За что?» Со вздохом я подумал, что, слава богу, она попала не в Западный Берлин, где есть фирменный магазин с выбором не меньше, чем пятьсот сортов разных колбас.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, почему живем так плохо? За что? Академик Шаталин приводит (в «Огоньке») устрашающую цифру: неудовлеворенный спрос населения превышает 70 миллиардов рублей.

Евг. ЕВТУШЕНКО

С ЖЕНЩИН НАЧИНАЕТСЯ НАРОД

ные лезвия, и какие-нибудь нестыдные и в то же время не очень дорогие туфли. Каждая советская женщина уже хотя бы за эту постоянную работу снабженца должна получить полную пенсию! А почему до сих пор воспитание хотя бы до одного года ребенка не приравнено к государственной работе?

Трагически отставая в экономике от ведущих стран, мы тем не менее триумфально вырвались в мировые лидеры по числу разводов. Почему? Катастрофическая бытовая взаимораздраженность, приводящая к взаимоубийству любви. Когда у каждого — своя отдельная комната, то хотя бы есть куда убежать во время ссоры, чтобы не дать выплеснуться раздражению. А если никуда убежать — потому что комната только одна? А если в этой же самой комнате ютятся и родители? По итогам недавнего социологического опроса, многие советские женщины причиной развода называют свои несложившиеся отношения с родителями мужа или мужа — с ее родителями.

Американские женщины почти не упоминают как причину развода эту проблему. Почему? Да потому, что наши молодые часто вынуждены жить вместе с родителями, порой в крохотном закутке, а американцы немедленно отделяются, и отношения с родителями у них остаются прекрасными. Наши женщины настолько устают от работы, быта, от метражной жаждотости, от затравленности родственниками, от нежиданности мужей, что порой физически преждевременно перестают быть женщинами. Для того чтобы достать хорошие кремы, предохраняющие от постарения, им приходится гратить столько сил, что от этого они еще быстрее стареют. Покупать французские духи на талоны о сдаче макулатуры и металлолома — это, что ли, уважение к женщине? Этого даже Кафка и Оруэлл в самых страшных кошмарах не представляли.

Одна из наших общественных женщин заявила, что не надо нам никаких платьев из-за границы — иначе свои никогда не научимся шить. Может быть, в момент этой телевизионной передачи она и была в советском платье, но, видимо, в каком-нибудь уникальном образце. Женщине неважно, каким молоком она поит ребенка — государственным или частным. Ей важно, чтобы молоко было хорошее, чтобы оно было всегда и чтобы не очень дорогое. Женщине неважно, какое это платье — советское или иностранное, лишь бы оно не попадалось на каждой третьей, лишь бы оно было красивым и, желательно, недорогим. Так вот, хватит дутого патриотизма в рассуждении об отечественной продукции — давайте продукцию не хуже иностранной! А пока нет, не жмитесь на валюту, закупайте, чтобы наши женщины красиво одевались, не то состарятся, а помодничать не успеют. Неужели наши женщины не заслужили